

УДК 398.21 (=512.156) (510)

Ж. М. Юша

Институт филологии СО РАН

Современное бытование сказочной прозы у тувинцев Китая*

В статье на основе новых полевых материалов автора анализируется бытование жанров сказочной прозы у тувинцев Китая на современном этапе. Рассматриваются космогонические мифы о происхождении звёзд и созвездий, о лунном затмении, а также мифологические персонажи. Особое внимание уделяется рассмотрению устных рассказов о происхождении инструментальных наигрышей, исполняемых на музыкальном инструменте *шоор*. Установлено, что для понимания семантики инструментальных наигрышей следует учитывать, что вербальная часть, содержащаяся в устных рассказах, несёт большую смысловую нагрузку. Используемые для мелодий на *шооре* словесные формулы чаще всего представлены в усечённой форме: это преимущественно монологическая речь главных персонажей повествования, где сосредоточена основная мысль всего текста. Можно говорить о том, что вербальный компонент играет в музыкальной мелодике *шоора* важную роль, так как именно знание изначального словесного текста мотивирует людей к созданию соответствующей мелодии с использованием тех формульных выражений, которые прозвучали в нарративных текстах. Бытование таких рассказов у российских и монгольских тувинцев не зафиксировано, и названия к определённым мелодиям *шоора* тоже не имеются. Как и в материнской фольклорной традиции, в сказочной прозе китайских тувинцев зафиксированы мифологические рассказы о знаменитых шаманах, генеалогические предания о происхождении некоторых родоплеменных тувинских групп, исторические предания про Амыр-Сану, предания о силачах, рассказы, содержащие народные толкования о названии топонимов. Проведённый анализ текстов показывает, что устная проза тувинцев Китая в значительной степени сохранила древний пласт общетюркского фольклора, который до настоящего времени имеет аутентичное исполнение.

Ключевые слова: тувинцы Китая, тувинский фольклор, жанры сказочной прозы, бытование на современном этапе.

Тувинцы Китая – малочисленная этнолокальная группа, компактно проживающая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. Несмотря на то, что они живут в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00206а «Сказочная проза тувинцев Китая. Исследования. Материалы».

Юша Жанна Монгеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация. E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru; тел./факс: (383) 330-14-52.

отрыве от материнского этноса в иноэтничном окружении, китайские тувинцы до сих пор сохраняют этническое самосознание, язык и фольклор. Богатое устное народное творчество, передающееся от поколения к поколению, до настоящего времени играет большую роль в духовной жизни тувинцев. Фольклор китайских тувинцев является устной традицией, сохранившейся только в памяти их носителей, где наблюдается преемственность и живое бытование многих жанров.

Цель данной статьи – проанализировать специфику бытования устной прозы у тувинцев Китая на основе полевых материалов автора, записанных в 2010–2013 гг. в местах проживания китайских тувинцев.

Особое место в современной фольклорной традиции тувинцев Китая занимают произведения несказочной прозы – мифы, предания, легенды – по народной терминологии объединённые общим термином *хоочулар* (рассказы). По ходу повествования некоторые рассказы носителями культуры могут классифицироваться как *бурун хоочу* (мифы) и *тууку хоочу* (исторические предания).

Согласно мифологическим воззрениям тувинцев, Вселенная состоит из трёх миров: Верхнего (*Устуу оран*), Среднего (*Ортаа оран*) и Нижнего (*Алдыы оран*). Наиболее распространённой темой мифов являются тексты о верховном божестве Курмушту, о владыке Нижнего мира Эрлик-Ловун-хане, о духах-хозяевах местностей (*ээлер*), населяющих Средний мир, где обитает человек.

В памяти пожилых тувинцев сохранились древние поверья и сюжеты о всемирных катастрофах, связанных со стихиями воды (*суг халап*) и огня (*от халап*). «Давным-давно в здешних местах был большой потоп, умерло очень много людей. Оставшиеся люди, спасаясь от потопа, взобрались на самую высокую гору Болбаадай. Там же соорудили плот и остались живы, потому что вода выше горы Болбаадай не поднялась. Вот так, говорят, на земле остались семена людей» (Кашыкбай, 1960 г.р., зап. в Ак-Хабе в 2010 г.). В других вариантах этого же сюжета повествуется о том, что на вершине той горы остался огромный плот.

Широкое распространение среди китайских тувинцев получили космогонические мифы о происхождении звёзд и созвездий *Чеди-Хаан* (Большая Медведица), *Улгер* или *Уш-Мыйгак* (Орион), *Шолбан* (Венера). Интересны рассказы о лунном затмении (*Ай киргээри*), происходящем, когда злой дух Мангыс проглатывает Луну. Для освобождения Луны из пасти злого духа тувинцами совершались определённые действия. Так, во время лунного затмения мужчины стреляли из ружей, били в металлические предметы с тем, чтобы напугать Мангыса и помочь Луне выйти из него. Особо сакральным считали крик женщины, не имеющей родных братьев и сестёр. Миф о затмении относится к древнетюркскому пласту верований, где содержится элементы почитания Неба и Луны. Кроме этого, текст мифа содержит информацию о том, как именно следует вести себя в данной ситуации.

По верованиям тувинцев, Средний мир населён различными существами, которые могут навредить человеку. Так, большую группу текстов составляют мифологические сюжеты о сверхъестественных существах: Челбеге, Чес-тырнак, Алмыс, Шулмус, Бук. При описании внешности этих персонажей информантами часто употребляются фразы: «Глазами не видел, ушами слышал» (*Карамна корбээн мен, кулаамна дыннаан мен*) или «Пожилые люди рассказывали, я не видел» (*Улуглар хоочуларар чуве, мен корбээн мен*).

Одним из специфических и интересных особенностей повествовательного фольклора китайских тувинцев являются наличие многочисленных вариантов устных рассказов, связанных с музыкальным инструментом *шоор* и о происхождении наигрышей на нём. Бытование таких рассказов у российских и монгольских тувинцев не зафиксировано. Кроме этого, у этих же тувинских этнолокальных групп названия к определённым мелодиям *шоора* тоже не имеются.

Образцы нарративов о *шооре* по своей жанровой принадлежности близки к мифу, мифологическому рассказу, сказке, историческому преданию, охотничьему рассказу. С точки зрения их сюжетного содержания в них можно выделить два основных типа текстов. Первый сюжетный тип – мифологические рассказы, объясняющие происхождение самого музыкального инструмента *шоор*. Второй тип – повествовательные образцы, близкие к другим фольклорным жанрам (сказка, историческое предание, охотничий рассказ), представляющие «историю» возникновения того или иного инструментального наигрыша, исполняемого на *шооре*.

Центральной темой повествований первой группы является появление *шоора* у тувинцев. Тувинцы Китая связывают его с именем старика Арвыйяна, когда-то жившего в этих местах. Согласно этим устным рассказам, «Арвыйян, будучи на охоте, в ветреную погоду слышит красивый звук, похожий на рев марала. Он несколько дней ищет и находит траву *мандаалаш*, стебли которой при порывах ветра издают подобные звуки. Арвыйян срезает стебель травы и делает в ней отверстия» (Батыочур Озий, 1986 г.р.; зап. в Ханасе в 2012 г.). Вот так был создан музыкальный инструмент *шоор*, который

изначально был тесно связан с охотничьим промыслом тувинцев, когда его использовали в качестве манка для зверей. Кроме этого, шоор бытовал и как собственно музыкальный инструмент для исполнения наигрышей напевов. Бытует поверье, что духу-хозяину тайги нравится слушать игру на музыкальных инструментах, рассказывание сказок и богатырских сказаний. Так, по воспоминаниям охотников, находясь на промысле, они вечерами у костра играли на *шооре*, чтобы дух-хозяин тайги, услышав прекрасную мелодию, одарил их зверями и пушниной. По мифологическим представлениям тувинцев, звери были собственностью духа-хозяина тайги. Поэтому успех в охоте зависел не только от умений и мастерства охотников, но и от доброго отношения духов-ээ [Юша, 2007, с. 55].

Также в рассказах первого типа повествуется, что «*шоор* имеет своего духа-хозяина, благодаря которому доносится завораживающая мелодия, проникающая в сердца людей» (Шоорун Самыбжап, 1942 г.р.; зап. в Ханасе в 2012 г.). Самым распространённым мотивом в этих нарративах является обязательное описание реакции животных на музыку. Например, услышав исполнение мелодии на *шооре*, они выходят на дорогу, у них от умиления появляются слёзы на глазах: «Даже волк спускается с гор и воет, звери-птицы выходят на дорогу, чтобы послушать музыку на *шооре*. Услышав прекрасную мелодию *шоора*, у них появляются слёзы на глазах» (Шоорун Самыбжап, 1942 г.р.; зап. в Ханасе в 2012 г.). Похожие сюжеты, повествующие о реакции животных на исполнение горлового пения (*хоомей*) бытуют и у российских тувинцев: «Когда *хоомей-сыгыт* Будукпена в лесах на склонах эхом отдавались, даже слушавшие его с наслаждением стаи зверей на обочину дороги послушать выходили» [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010, с. 201] или «Когда Будукпен, печалась, *хоомей* исполнял, у его лошади из глаз слёзы текли, даже его собака выть начинала» [Там же, с. 201].

Ко второй группе относятся нарративы, объясняющие возникновение того или иного инструментального наигрыша, исполняемого на *шооре*. К шести наигрышам имеются устные рассказы, объясняющие их происхождение: «*Кара-күртүнүң ойну*» («Игра чёрного тетерева»), «*Урелин хээ*» («Стреноженный бег коня»), «*Узээнек*» («Река Узээнек»), «*Палчын-хээ*» («Стремительный бег коня Палчына»), «*Чыраа-кара-мажаалай*» («Чёрный медведь-иноходец»), «*Агым-буурел сайың кал, ала чавааң сегиң кал*» («Пусть от реки Агым-буурел останется галька, пусть пегая кобыла оставит свои кости»). В этих повествованиях события излагаются как достоверные, происходившие на самом деле. Характерной особенностью в них является отсутствие диалогов и наличие монологической речи персонажей. Зачином повествования часто становится отсылка к давним временам, выраженная словами: *шаанда* 'давно', *бурун* 'раньше', *шаг-шаанда* 'давным-давно'. Названия наигрышей и повествовательных рассказов одинаковы.

В четырёх устных рассказах «*Кара-күртүнүң ойну*» («Игра чёрного тетерева»), «*Узээнек*» («Река Узээнек»), «*Чыраа-кара-мажаалай*» («Чёрный медведь-иноходец»), «*Агым-буурел сайың кал, ала чавааң сегиң кал*» («Пусть от реки Агым-буурел останется галька, пусть пегая кобыла оставит свои кости») главная идея произведения выражена формульными словами, которые становятся темой для инструментальных наигрышей. Они же и составляют ритмический рисунок мелодии. В процессе исполнения наигрыша они могут проигрываться несколько раз, в зависимости от индивидуальных способностей исполнителя. Носителями традиции каждый раз подчёркивается, что вначале возникли устные рассказы, а затем появилась музыка. Рассмотрим нарратив о мелодии «*Кара-күртүнүң ойну*» («Игра чёрного тетерева»): «Единственный сын хана каждый день поднимался на гору Хангай отстреливать птиц. Однажды, когда он прицеливался в последнего тетерева, тот запел: *Хангайты хаанның кара чаңгыс күртүсүнөн чаңгыс калганы мен мен, / Харагаты-хаанның кара чаңгыс оглу сен сен* 'Я – единственный оставшийся тетерев горы Хангайты, / Ты – единственный сын Харагаты-хана'. Тогда он "с щемящей болью в печени" понял, что если он убьёт этого тетерева, то этих птиц больше не будет, а если он сам умрёт, то в его семье никого не останется» (Кызыл-Боовой Дагдий, 1939 г.р., зап. на летнем стойбище близ Ханаса в 2010 г.). Этот миф регламентирует взаимоотношения людей и животных, запрещает убивать их без надобности, осуждает жестокое отношение к животному миру. Основная идея рассказа концентрируется в словесной формуле, которая исполняется в качестве основы для наигрыша: *Хангайты хаанның кара чаңгыс күртүсүнөн чаңгыс калганы мен мен, / Харагаты-хаанның кара чаңгыс оглу сен сен* 'Я – единственный оставшийся тетерев горы Хангайты, / Ты – единственный сын Харагаты-хана'.

О девушке-сироте, которую обижали старший брат и невестка, рассказывается в произведении «*Узээнек*». «Однажды они дают девушке *кымзар* – красный мешочек, сшитый из кожи, снятой с конской головы, для сбора сараны-кандыка. Копая корни этих растений, она теряет свой *кымзар*. Боясь гнева старшего брата и невестки, зная, что они будут её ругать-бить, она молится духу-хозяину реки Узээнек, плача-приговаривая: *Кызыл чараш кымзарымны бернен Узээнек, / Ай-бес казып алып*

кымзарымны бернен Узээнек ‘Красный, красивый мой *кымзар* верни, Узээнек, / *Кымзара*, пригодного для собирания сараны-кандыка мне верни, Узээнек’. После безуспешных попыток найти мешочек она, воскликнув: *Кызыл чараш кымзарымны алгыже, / Кыс чараш бодумну ал!* ‘Взяв мой красивый красный мешочек, / Забери и меня!’ – бросилась в реку» (Батыочур Озий, 1986 г.р.; зап. в Ак-Хабе в 2010 г.).

Как видим из приведенного примера здесь используются две словесные формулы. Первая формула: *Кызыл чараш кымзарымны бернен Узээнек, / Ай-бес казып алыр кымзарымны бернен Узээнек* ‘Красный, красивый мой *кымзар* верни, Узээнек, / *Кымзара*, пригодного для собирания саранчи-кандыка мне верни, Узээнек’. И вторая формула: *Кызыл чараш кымзарымны алгыже, / Кыс чараш бодумну ал* ‘Взяв мой красивый красный *кымзар* / Забери и меня’.

В следующем рассказе «*Агым-бүүрел сайың кал, ала чавааң сегиң кал*» («Пусть от реки Агым-буурел останется галька, пусть пегая кобыла оставит свои кости») сохраняется вера людей в магию слова, в данном случае в исполнение произнесённого проклятия. «Возле реки Агым-Буурел жили семьи влюблённых, парня и девушки. Родители девушки захотели выдать её замуж за богатого человека, поэтому молодые решили сбежать вместе верхом на пегой кобыле. За ними устроили погоню. Когда преследователи приблизились к ним, они были возле реки Агым-Бурен. Уже хотели поймать их, но они верхом на лошади вошли в глубоководную реку. Через некоторое время и конь, и парень выбрались на берег, а девушку унесло течением. После этого парень произносит: *Ала атка муңгаитан, / Амыракка харыштым, / Агым-Бүүрел сайың кал, / Ала чавааң сегиң кал, берсең кежиг бер, / Бербесең – сайың кал* ‘Верхом на пегой кобыле, / Возлюбленную свою встретил, / Пусть от реки Агым-буурел останется галька, / Пусть пегая кобыла оставит свои кости, / Дай переправу – или высохни’. После этого река Агым-Буурел полностью высохла, от неё осталась одна галька. Говорят, вот так подействовало проклятие этого парня» (Мейхуа Иртыш, 1974 г.р.; зап. в Ханасе в 2010 г.). Эти же формульные слова, произнесённые главным персонажем, используются для наигрыша на *шооре*.

В рассказе «*Чыраа-кара-мажаалай*» («Чёрный медведь-иноходец») высмеиваются горе-охотники и излагаются правила поведения охотников на промысле. «Вот давным-давно был охотник по имени Чонгээлдей. В то время на охоте зверей зывали с помощью *шоора*. Чонгээлдей и человек, играющий на *шооре*, вдвоём ушли охотиться. Когда этот человек собрался играть на *шооре*, пришёл медведь. В это время Чонгээлдей хотел выстрелить в медведя, но старое ружьё дало осечку. По этому поводу красноречивые люди придумали мелодию *шоора*, где высмеивается охотник: *Чыраа кара мажаалай, чоруй барды Чөңгээлдей, / Чолдак кара бооң харып калды Чөңгээлдей* ‘Чёрный медведь-иноходец ушёл, Чонгээлдей, / Короткоствольное твоё ружьё, не смогло выстрелить, Чонгээлдей» (Монхий Иртыш, 1971 г.р.; зап. в Ханасе 2012 г.). Эта словесная формула проигрывается в наигрыше с аналогичным названием.

В настоящее время у тувинцев Китая прервана шаманская традиция, последний практикующий шаман ушёл из жизни в 2001 г. Несмотря на это, в народной памяти сохранились мифологические рассказы о знаменитых шаманах, их могуществе, необычных способностях, о совершаемых ими чудесах. Так, в одном из текстов говорится, что великие шаманы продолжали камлать и после смерти. В местах их захоронений в вечернее время часто слышались удары в бубен. Кроме этого, бытует цикл легенд о становлении шаманов, об их духах-помощниках; о борьбе между шаманами.

В историческом отношении интересны генеалогические предания, повествующие о происхождении родоплеменных групп тувинцев: *иркит, хойук, чаг-тыва, ак-соян, кара-сал, кара-тош, кызыл-соян, хойт*. Например, в одном из преданий рассказывается, как в начале XX в. из Горного Алтая, спасаясь от советской власти, в Китай перекочевали представители алтайских сеоков *делег* и *шанагаиш*. По требованию тувинских нойонов-князей их принудили войти в состав двух тувинских родов – хойук и соян.

Многочисленные варианты исторических преданий представлены циклом рассказов об Амыр-Сане, имеющем титул хун-тайджи, реальном историческом персонаже, жившем в XVIII в. в Джунгарии, восставшем против власти маньчжуров. Необходимо отметить, что Амыр-Сана (Амурсана) является героем фольклора монголов, тувинцев, хакасов и алтайцев [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010; Несказочная проза алтайцев, 2012]. Каждый из этих народов считает Амыр-Сану своим героем и ждет его появления на своей территории во время смуты. По фольклорным источникам считается, что Амыр-Сана после своего поражения бежал в Россию. У китайских тувинцев имеются и другие варианты, в которых Амыр-Сана после поражения уезжает в Америку или в Казахстан.

Большой пласт устных рассказов посвящён людям, обладающим магическими способностями, таким как *чатчы* (вызыватели непогоды), *отчу* (знахари-травники). Так, по мифологическим воззрениям китайских тувинцев, *чатчы* с помощью волшебного камня *чат* может оказывать влияние на погоду: вызвать снег и дождь, засуху, ветер. Аналогичные же представления имеются у других тюркских народов Сибири: алтайцев, шорцев, тувинцев, хакасов и якутов [Алексеев, 1980; Яданова, 2006].

Широко бытуют предания о силачах, обладающих необычными способностями, имеющих особое, отличное от других строение тела, не свойственные обычному человеку физические качества. Например, в одном из преданий говорится, что после смерти Силача-Чаваада, люди обнаружили, что все ребра у Чаваада были сросшимися друг с другом. По убеждению тувинцев, сросшиеся кости свидетельствуют о невероятной физической силе человека. Такие же представления о силачах бытуют и у российских тувинцев: «После смерти люди обнаружили, что все рёбра у Куваанды были сросшимися друг с другом» [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010, с. 185].

Существуют и топонимические предания, содержащие народные толкования о происхождении названия той или иной местности, реки, озера, горы. Например, с рекой Ханас, протекающей на территории проживания китайских тувинцев, связан цикл преданий о Чингисхане. Одно из них гласит, что великий полководец Чингисхан, покоривший многие страны мира, дошёл и до Ханаса. Здесь его уставшая лошадь напилась воды из этой реки. С той поры местные жители и реку, и озеро стали называть *Хаан ус*, что в переводе с монгольского означает «ханская вода», а со временем это монгольское словосочетание у тувинцев превратилось в Ханас.

У людей пожилого возраста в памяти сохранились детские воспоминания о русских переселенцах, прибывших из СССР в 1930-е гг. Они проживали с местным населением до их выселения из Китая в 1958 г. В те годы тувинцы, жившие в войлочных юртах, от них переняли традицию строительства бревенчатых домов и перешли к стационарным жилищам.

Таким образом, анализ собранных текстов показывает, что устная проза тувинцев Китая в значительной степени сохранила древний пласт общетюркского фольклора, который до настоящего времени имеет аутентичное бытование. В отличие от российских тувинцев, в локальной традиции зарубежных тувинцев, в силу того, что они ведут традиционный образ жизни, сохранились многие архаичные черты и мифологические представления, в настоящий момент уже утраченные в материнской культуре. Данная тема требует дальнейшего изучения, а полученные результаты могут быть использованы в работах, посвящённых сравнительно-историческому аспекту духовной культуры тувинцев России, Китая и Монголии.

Список информантов

- Батыочур Озий, 1986 г.р.; зап. в Ак-Хабе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в 2010 г.
Кашыкбай Чаамсурун, 1960 г.р.; зап. в Ак-Хабе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в 2010 г.
Кызыл-Боовой, 1939 г.р.; зап. на летнем стойбище (возле Ханаса) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в 2011 г.
Монхий Иртыш, 1971 г.р.; зап. в Ханасе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в 2010 г.
Мейхуа Иртыш, 1974 г.р.; зап. в Ханасе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в 2010 г.
Шоорун Самыджап, 1942 г.р.; зап. в Ханасе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в 2012 г.

Список литературы

- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980.
Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).
Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
Юша Ж. М. Роль словесного компонента в охотничьих обрядах тувинцев // Поэтика жанров фольклора народов Сибири: Миф. Эпос. Ритуал: Сб. статей. Новосибирск, 2007.
Яданова К. В. Несказочная проза теленгитов. М.: Режанс, 2006.

Zh. M. Yusha

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
zhanna-yusha@yandex.ru*

The modern non-folktale prose of existence Tuvinians China

The article is based on field materials the author analyzes the current existence of folk traditions. In the article on the basis of new field materials the author analyzes the existence of non-fairy-tale genres of prose Tuvinians China at the present stage. We consider the cosmogonic myths of the origin of stars and constellations of the lunar eclipse, as well mythological characters. Particular attention is paid to the oral stories about the origin of instrumental tunes, played on a musical instrument shoor. It was established that for understanding the semantics of instrumental tunes should be considered that the verbal part which contained in the oral stories, has a great meaning. Verbal formulas which used to tunes on shoor often presented in a truncated form: it is predominantly monological speech of the main characters the story, where the main idea of the text. You can talk about the fact that the verbal component plays in the musical melody of shoor an important role, because it is the knowledge of the original verbal text motivates people to create appropriate music with the formulaic expressions that have sounded in the narrative texts. Existence of such stories of Tuvinians Russia and Mongolia not recorded and the names of certain melodies of shoor also not available. As the parent of folk traditions, non-fairy-tale prose of Tuvinians China, recorded mythological stories about the famous shamans, genealogical legends about the origin of some tribal groups of Tuvinians, historical legends about Amyr-Sanu, the stories about strongmen, the stories which contain the folk interpretation of toponym names. The above analysis of the texts shows that the oral prose of Tuvinians China largely preserved ancient Turkic stratum of folklore, which until now has authentic performance.

Keywords: Tuvinians of China, Tuvinian folklore, genres non-folktale prose, existence at the present stage.

References

Alekseev N.A. Rannie formi religii tyurkoyazichnih narodov Sibiri. [Early religion of Turkic peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1980.

Mifi, legendi, predaniya tuvintsev [Myths, Legends, Historical Stories of Tuvinians] / Sost. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha. Novosibirsk: Nauka, 2010.

Neskazochnaya proza altaitsev [The Altai Non-Folktale Prose] / Sost. N. R. Oynotkinova, I. B. Schinzhin, K. B. Yadanova, E. E. Yamaeva. Novosibirsk: Nauka, 2012.

Yusha Zh. M. Rol slovesnogo komponenta v ohotnichih obryadah tuvintsev [The role of the verbal component in the hunting rituals of Tuvinians] // *Poetika zhanrov folklora narodov Sibiri: Mif, epos, ritual* [The poetics of the genres of folklore of peoples of Siberia: Myth, epic, ritual]. Novosibirsk, 2007.

Yadanova K. B. Neskazochnaya proza telengitov [Non-Folktale Prose of Telengits]. M.: Rezhans, 2006.